

Министерство Просвещения Российской Федерации
Комитет образования
Лужского муниципального района
Ленинградской области
Муниципальное общеобразовательное учреждение
«Толмачевская средняя общеобразовательная школа
им. Героя Советского Союза И. И. Прохорова»

**Женщины-землячки,
участницы партизанского
отряда «Родина»**

Выполнил:
Цыганова Марина
учащаяся 11 класса

Руководитель:
Иванова Ирина Петровна
*учитель технологии,
руководитель школьного музея «Истоки»
МОУ «Толмачевская средняя школа»*

п. Толмачево
2020 г

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Цель, задачи	5
Глава 1. Методика исследования	6
Глава 2. Результаты исследования и их обсуждение	6
2.1. Жизненный путь наших землячек, участниц партизанского отряда «Родина»	6
2.2. Просвещение населения об узниках концлагеря «Эрувиль»	10
Заключение	11
Литература	12
Приложение	13

*«В память о советских женщинах
жертвах нацистского варварства,
погибших от истощения или под обвалом
на принудительной работе в шахте.
В память об узницах концлагеря,
совершивших побег 8-го мая 1944 года,
образовавших единственный во Франции
женский партизанский отряд «Родина»,
сражавшихся за Свободу во
Французском Сопротивлении».*
Текст на памятной доске в г.Тиль, Франция

«Несомненно, что одна из ярких страниц нашего прошлого - это история российских женщин, заключенных в концлагере в Эррувиле (Errouville). Они были осуждены на каторгу и работали в шахте г. Тиль. Эта страница нашей истории вписана в нашу коллективную память. Рене Барки – уроженец Тилия, любящий свой город, передал нам бесценное свидетельство – память о событиях, которые надо вписать золотыми буквами в нашу историю - историю женского сопротивления, которое вызывает уважение и волнение. Город горячо благодарит Рене Барки и берет на себя обязательство сделать все возможное, чтобы память об этих женщинах была вечной» [5].

Из выступления мэра г.Тиль госпожи Анни Сильвестри

О судьбах Героев можно прочесть в научных трудах, художественной литературе и даже в справочнике «Герои Советского Союза». Многие Герои Советского Союза написали воспоминания о своей боевой деятельности на фронтах и жизни в мирное время. Но о судьбах некоторых простых русских людей, по сути тоже Героев, написано очень мало или вообще нет информации. И вот пока живы их родственники, и те кто был рядом с ними в мирной жизни, можно еще наверстать упущенное и узнать какие-либо подробности их жизни.

Новизна: в большой промежуток времени информация о женщинах-землячках, участницах французского движения «Сопротивление», участницах партизанского отряда «Родина», среди школьников и педагогов нашей школы была забыта, как и о многих простых тружениках войны.

Есть такой замечательный гражданин Франции Рене Барки, краевед, историк. Он-то и раскопал всю историю о русских девчонках, участницах французского движения «Сопротивление» в своем родном городке Тиль, где были шахты, в которых работали заключенные советские женщины. Сейчас мэром этого городка является Анни Сильвестри. Она, Рене Барки и жители города приложили много сил, чтобы открыть мемориал (приложение 1) памяти советских женщин, жертв нацистского варварства [5]. Мемориал был открыт 6 сентября 2015 года. На открытие (приложение 1.1.) были приглашены родственники, от которых ученики и педагоги Толмачевской школы узнали о простых русских женщинах, участницах партизанского отряда «Родина» и начали собирать информацию (рис. 1.1. Дружеский матч, Париж, 1945г.).

Родственники нескольких женщин проживают на территории Толмачевского городского поселения - в пос. Толмачево и дер. Жельцы. Они предоставили нам документы своих матерей и сестер, которые хранятся в семьях. В нашей школе обучаются правнучка и внучатый племянник женщин, участниц партизанского отряда «Родина».

Долгое время их не признавали участниками Великой Отечественной войны, потому что эти женщины воевали на территории капиталистической страны, Франции, не выплачивали им пенсий за инвалидность, хотя практически все они потеряли свое здоровье в концентрационных лагерях [5].

Актуальность. Мы считаем, что работа по увековечиванию памяти русских женщин, наших землячек, очень актуальна. С каждым годом всё дальше и дальше уходит от нас война, всё меньше становится свидетелей тех страшных событий. Но имеем ли мы право забыть годы, вошедшие горем в каждый дом, унесшие жизни миллионов людей? Простые люди, в том числе и женщины шли и сражались за свою землю. Наша обязанность - хранить память о них и передавать ее из поколения в поколение.

Нам, школьникам, очень интересно заниматься поиском информации о наших землячках, девчонках из партизанского отряда «Родина» во Франции.

Мы поставили перед собой цель: **изучить жизненный путь наших землячек, пяти русских девчонок, участниц партизанского отряда «Родина» и познакомить с собранным материалом жителей поселка.**

Задачи:

1. Собрать информацию о женщинах-землячках, участницах партизанского отряда «Родина».

2. Вести просветительскую деятельность.

Рис.1.1. Фото Дружеский матч,
Париж, 1945г

Рис.1.2. Удостоверение
участника войны

Сроки и место исследования. Наша исследовательская работа началась с июня 2015 года и ведется по настоящее время в Толмачевском городском поселении.

Глава 1. Методика исследования

- знакомство с литературными и интернет - источниками
- встречи и беседы с родственниками (рис.1.4.)
- анализ документов, фотографий и других собранных материалов.

Глава 2. Результаты исследования и их обсуждение

Изучая биографии женщин, мы столкнулись с недостаточностью информации о некоторых из них. Благодаря родственникам, живущим в п. Толмачево нам удалось точно выяснить о самой младшей девушке из партизанского отряда «Родина» (есть удостоверение участника войны рис.1.1.).

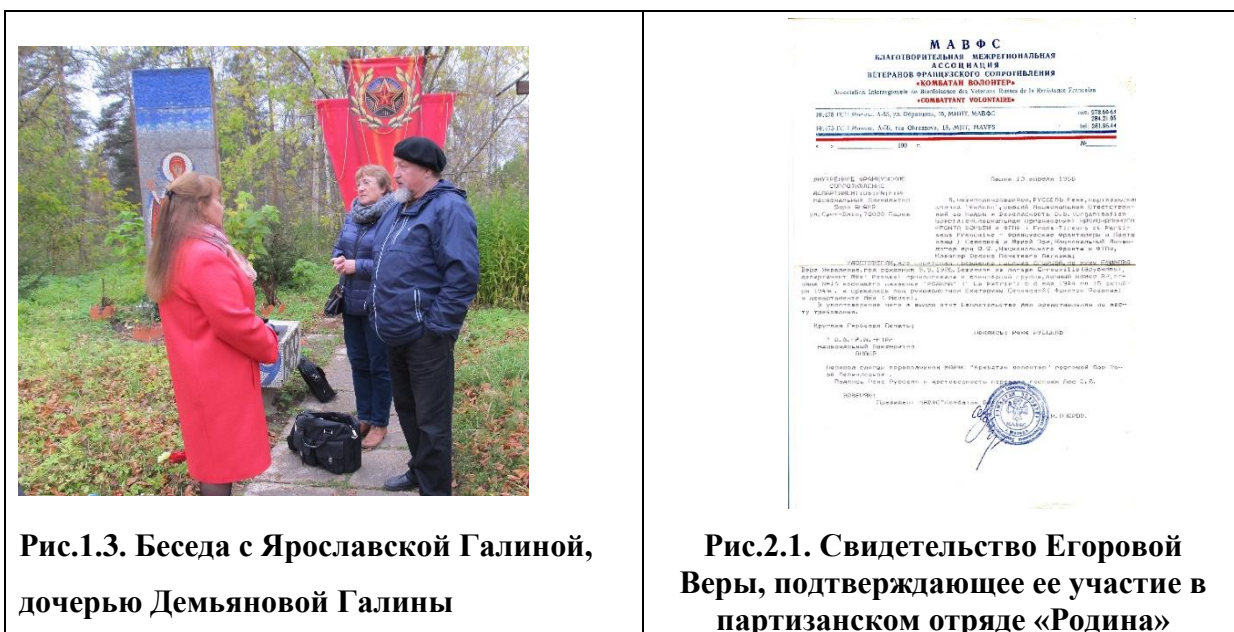

Рис.1.3. Беседа с Ярославской Галиной, дочерью Демьяновой Галины

Рис.2.1. Свидетельство Егоровой Веры, подтверждающее ее участие в партизанском отряде «Родина»

2.1. Жизненный путь наших землячек, участниц партизанского отряда «Родина»

Концлагерь «Эрувиль». Через этот лагерь прошли 132 тысячи женщин из 23 стран Европы, в том числе пять наших землячек: Галя Демьянова, Соня Бойкова, Лена Грязнова, Вера Егорова (приложение 2.1.) и Шура Владимировна. 93 тысячи человек были уничтожены. Здесь умирали от болезней и голода. Запах хлеба узницы слышали на расстоянии двух-трех километров. Постоянное чувство голода никогда не покидало их. Но существовали и более сильные чувства – гнев, ненависть к палачам, любовь к

своей Отчизне. И для них тогда эти слова совсем не были громкими. Мысли о Родине, крохотные известия о родной земле, которые к ним попадали иногда с воли, согревали душу, давали силы выжить [3] (приложение 2.1.2.) .

Когда началась Великая Отечественная война, все девушки были молодыми, с планами на будущую мирную жизнь и никто из них не предполагал через какие испытания им придется пройти. Галю Демьянову, пятнадцатилетнюю девчонку не взяли в партизаны, но она стала связной 11 Волховской партизанской бригады и добывала ценные сведения о немцах. Но однажды Галю кто-то предал и девчонку отправили в Лужское гестапо, оттуда заключенных в товарных вагонах для перевозки скота отправили в Псков, Моглино и дальше – в Германию, в концентрационные лагеря [5]. Галя Демьянова и Шура Владимирова, которая тоже была забрана в тюрьму за побег из деревни, чтобы не забрали в Германию, попали вместе в один из самых страшных концентрационных лагерей – Равенсбрюк. А потом их отправили еще дальше от родного дома, в оккупированную немцами Францию: Нанси, Тиль, Эрувиль. В этом же лагере оказались еще три девушки: Байкова Соня из деревни Новые Крупели, арестованная на станции Толмачево, Грязнова Лена и Егорова Вера, тоже были арестованы и отправлены в тюрьму г. Луга.

В концлагере «Эрувиль» все женщины работали в шахтах, грузили руду в вагонетки, а потом толкали их на поверхность забоя и выгружали в бункер, откуда потом руду увозили машинами на станцию. Жили в бараках, спали на нарах, укрываясь каким-то тряпьем. Утром поднимали рано, давали миску похлебки, кусок хлеба, сахар и кипяток, а потом строем гнали в шахту. (приложение 2.1.3.) Через месяц изнурительного труда стали поговаривать о побеге[4]. И вот 8 мая 1944 года, из концлагеря «Эрувиль» был совершен массовый побег заключенных. Обессиленным и истощенным женщинам пришлось преодолеть более 70 километров[5], прежде чем они подошли к лагерю партизан. С большим радушием всех беглецов приняли, а утром был сформирован отряд, который называли «Родина».

Организованные партизанские отряды состояли в основном из мужчин. Только отряд «Родина», единственный во Франции, состоящий из женщин, среди которых были и наши землячки. Они устраивали набеги на небольшие гарнизоны фашистов, в бою добывали себе оружие. Для пополнения продовольственных запасов отряда, делали засады на шоссейных дорогах [4].

После войны отряд был расформирован и все поехали домой. Дорогой не раз подвергались допросам и проверкам[4].

Но ни каторга, ни унижения, ни тяжелые испытания не смогли подорвать их моральной чистоты и боевого духа. Гастон Лярош, член Научно-исследовательского комитета общества «Франция – СССР»

Воспоминания бывших узниц концлагеря Эрувиль из книги Романа Ерохина «Девчонки наши за Верденом»:

Вера Егорова: «Схватили меня фашисты— это в Лужском районе Ленинградской области. Кричат: «Партизанам помогаешь!» А я себе и думаю: «Так неужто вам, поганцам незваным, помогать буду, коль братья мои в партизаны ушли?!». Дурак он был, фашист... Коль ты в дом наш грабить лезешь, неужто потакать мы будем тебе? И когда вывез нас за тыщу верст от дома, аж в рудники французские, опять же дурак — надеялся, таскать железо ему будем из-под земли, на танки, дана пушки, чтоб пушки те братьев моих расстреливали. Вы, конечно, знаете, на востоке Франции было около трех десятков советских партизанских отрядов. Все правильно — мы и на чужбине оставались людьми. Потому и говорю: дурак, фашист, на что надеялся?..»[1].

Галя Демьянова: «Не каждый сейчас верит этому документу: «Связная 1-й Волховской партизанской бригады...». А все потому, что было мне всего-то тринадцать лет, когда война пришла к нам. Я еще пионеркой была! Брат мой в этой бригаде партизанил. Вот мы с мамой и ходили в лес. Зимой— будто за хворостом, летом— по ягоды, грибы... Страшно было? Конечно! Особенно когда одна идешь, без мамы. Немцы сперва остерегались соваться в лес, но к концу уже обнаглели... Арестовали меня в

Жельцахнезадолго до освобождения, в январе сорок четвертого. Чуть-чуть бы еще... Во Франции я уже комсомолкой себя считала, хотя никто там меня не принимал. Правда, Первого Мая, в Эрувиле, я надела пионерский галстук — из чьей-то кофточки красной. Вы же знаете, демонстрация там у нас была!»[1].

Лена Грязнова: «А всяко бывало-и горестное, и жалостливое. Вот расскажу про ленинградку нашу — Сороку. Стало быть, Аню Михайлову. В отряде у нас она не только с автоматом управлялась ловко. Принесла ей Катрин бритву, ножницы, машинку два нуля, и брила, и стригла Сорока мужиков, Жака, и нам прически сочиняла. Все хорошо бы! Но потом вдруг все. Мужики разом отказались бриться-стричься у нее. Вроде, как побреет кого, так и погибнет он в тот же день. Напасть какая-то! И верно — постригся у нее Пьер, это проводник наш, который вел в побег всех, и в тот же день убили его в бою. Хошь верь, хошь нет, а осталась Сорока в безработных. Сама то наводила себе прическу, в засаду ходила — и ничего, жива-здоровая.

Вот рассказываю, а сама не знаю, к чему бы. Не помню уж ничего почти. На пенсии я теперь. Правда, работаю еще, на стеклозаводе «Плоское», браковщицей. В своем же-Лужском районе...»[1].

Шура Владимирова: «А чего рассказывать-то? В героях мы не ходили - поезда под откос не пускали, в атаках не участвовали. Только-то и всего, что в сторонке не стояли от войны той проклятой. Кем до войны была? А на воинском складе работала, рабочей. Ну, а немцы пришли-в партизанских связных ходила. В отряде Михайлова. Потом все по «новому порядку» фашистов: арест в деревне Жельцы, отсидка в тюрьмах Луги, Пскова, Моглино и еще дальше — Равенсбрюк. Это деревня такая близ города Фюрстенберга, от Берлина — верст восемьдесят. До того и ведать не ведали о той деревне, а теперь всему люду на земле известно — концлагерь страшный.

Для женщин. В ту пору там Роза Тельман с дочкой маялись. Слышали, конечно? Ну, вот... А потом меня еще дальше от родного дома немцы

загнали, в оккупированную ими Францию — Нанси, Тиль, Эрувиль. Вот и все. Чего рассказывать-то?»[1].

Соня Байкова: «Когда немцы были уже близко от нашей деревни Новые Крупели, все мы, школьники, пошли рыть противотанковые рвы. Попали в одночасье под бомбежку. Ногу мне осколком зацепило и лечиться довелось в Ленинграде.

Но не долечилась, так, на костылях, и забрала меня мама из госпиталя под расписку, вроде как дома-то, в деревне, спокойней будет. В августе это было. А в сентябре по нашей улице уже разгуливали немцы. Вот тебе и «спокойнее»...

Лучше бы я в Ленинграде осталась! Потом-то мы узнали, как мерли там люди от голода в блокаде. Да ведь все лучше — среди своих...

В конце сорок третьего арестовали меня на станции Толмачево, это в Лужском районе. И пошла по этапам: Луга, Псков, Моглино, Равенсбрюк, Эрувиль»[1].

2.2. Просвещение населения об узниках концлагеря «Эрувиль»

Изучив литературу, документы, проведя беседы с родственниками мы собрали достаточный материал для того чтобы поделиться с другими.

Были проведены следующие мероприятия:

1. В школьном музее создан информационный стенд о пяти женщинах-землячках, участницах партизанского отряда «Родина» (приложение 2.2), который стал частью готовящейся экспозиции.
2. Школьниками-экскурсоводами подготовлена экскурсия на эту тему.
3. Были проведены экскурсии для школьников, жителей поселка и для родственников – героинь нашего исследования.
4. Часть собранного нами материала вошла в учебное пособие «Страницы истории родного края» по которому обучаются ученики 5 и 6 классов.
5. 28 июня 2016 года в музее Толмачевской школы состоялось торжественное открытие стенда, посвященного женщинам-землячкам,

участницам французского движения «Сопротивление», на котором присутствовали гости из Франции: мэр города Тиль Анни Сильвестри, президент французской ассоциации ветеранов авиаполка «Нормандия-Неман» историк Рене Барки и режиссер Жан Луи Сонзони. Для нас это очень большое событие и мы пригласили всех желающих присоединиться к этому мероприятию. Присутствовали родственники, местные жители, школьники, администрация пос.Толмачево и г. Луга (приложение 2.2.1).

6. Использование СМИ: статья в газете «Лужская правда», съемка встречи в школьном музее на ЛИК ТВ и ЛОТ.
7. Выступление школьников и гостей из Франции на межрегиональном мероприятии в день «Партизан и подпольщиков» 29 июня 2016 г в г. Луга на мемориале «Партизанская слава».

Заключение

В современное время, когда любая информация о земляках должна быть обязательно обнародована и не ушла в небытие, наша школа поддержала пожелания родственников об увековечивании памяти своих родных на постоянных стендах в школьном музее. Но самое удивительное, что во Франции наших девочек помнят и даже ставят им памятники! [2]

Благодаря помощи родственников Демьяновой Галины и Егоровой Веры нам удалось собрать информацию о жизни наших женщин-землячек. Имена девушек запечатлены на стенде в школьном музее (приложение 3).

Перспективой работы считаем поиски родственников женщин и установление в поселке памятника в виде кисти руки с колючей проволокой, работа над которым уже началась (приложение 3).

Литература

1. Ерохин Роман. ДЕВЧОНКИ НАШИ ЗА ВЕРДЕНОМ: документальная повесть. Минск: Ю. М. Сапожков, 2006. — 208 с.
2. Лужский край: историко-краеведческий сборник, выпуск 7. Луга.: «Издательство Голубева», 2016.-118 с.: ил.
3. «Лужская правда» районная газета, 1991 г. Статья «На всю оставшуюся жизнь».
4. Ованесов А.Г., ППО №1-4 Ленуприздата, г.Луга 1991 г.Воспоминания награжденных медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».
5. Шевцова Ю. И., Хрисанфов В. И. Страницы истории родного края: учебное пособие. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. – 304 с.
6. https://ru.wikipedia.org/wiki/Женщины_в_Движении_Сопротивления_во_Франции
7. http://pikabu.ru/story/chtobyi_pomnili_pamyati_zhenskogo_partizanskogo_otryada_quotrodinaquot_4520499

Приложение 1. На мемориале жертвам нацистского варварства

Приложение 1. 1.Приглашение родственникам на открытие памятника в г.Тиль

Приглашение
 Ассоциация Памяти и Признания Концентрационного Лагерь Тиль-Лонгуйе (AMRCCTL)

Мадам Анни СИЛЬВЕСТРИ, Мэр г. Тиль, Муниципальный Совет,
 Ассоциация для Памяти и Признания Концентрационного Лагеря гг. Тиль-Лонгуйе
 Ассоциация Индустриальной Истории,

Просят Вас принять приглашение на церемонии
71-ой годовщины освобождения
Концентрационного Лагеря г. Тиль и особенно
отдать дань депортированным сопротивляющимся
женщинам

Воскресенье 6-го сентября 2015 г.

В Кратце :
 • **10.00 :** Слет на парковке "Тролеи Памяти".
 • **10.15 :** Возложение Цветов – Заук горна о полюбих – Пение Партизанов - Речь – Пение Балот – Марсельеза, интерпретированы Музыкальным Королевским Кругом г. Обаж.
 • **10.30 :** почтение к женщинам, депортированным в Равенсбрюк : Чтение речи Андро Матьро ФИЛИППОМ СТИЛПМАНН.
Ухода шахты :
 • **11.00 :** Открытие Мемориала в честь Советских Женщинам в шахте Сендрис Разкрытие Доски - Речь – Национальные гимны.

В polyvalentном зале им. Жака ДЮКЛО
 • **12.00 :** Вернисаж выставки «70-ая годовщина Великой Победы : Русские в французском Сопротивлении»
 • **12.30 :** Почетный боксал
 Обед организован AMRCCTL по бронированию / 20€ с человека безвозмездным членам AMRCCTL

• К 50-летию начала Великой Отечественной войны

Скорей бы закончился учебный год. Прощай, школа! Здравствуй, педагогический институт! Неудачи моей земной мечты — стать учителем обудет? — так думала Ольга в июне 1941 года...

И вот наступила та же неприятная неожиданность, что и в ее реальность нельзя было поверить, — вспоминает Ольга Васильевна Воробьева.

Какое же, только вчера стояла на редкость теплый солнечный день, как всегда пылали приглушенные облака, отгораживая в голубых струях реки Луги. Река испарилась, бесшестно, как будто она была опустошена. Никого не собралось Толмачево собралось весело отдохнуть в воспретный день. Война вела себя так, разматывая уют налаженного быта, семейного счастья взрослых и детей. Отец и два старших брата его ушли в партизан, а в декабре 1943 года отец был арестован. Его забрала в гестапо и увезли в Лугу. А 11 января 1944 не избежала участи отца и сама Ольга. Ее взяли в гестапо как дочь партизана. Начались допросы, истязания. Здесь, в лесной полиции, началась одна из самых мрачных страниц в жизни Ольги. В намере, куда ее поместят, она обманулась. Тресточка отца (она принадлежала на ногу). А позднее узнала, что он был расстрелян фашистами.

Сама же Ольга с группой девочек — дочками нарядов Жельды — Соней Байковой, Леной Грязновой и многими другими (фамилии которых не помню, а фамилии некоторых были отправлены в Германию, в фашистский лагерь возле города Фюрстенберг. А за

Бельгии, Датуа, памяти все, а особенно Равенсбрюк. «А что такое концлагерь?» — важно спросила у Ольги Васильевны ее любимая внучка Светлана, ей было тогда 15 лет, глаза смотрели ясно, plainly, непонимание. Вопрос она задала убийственно простой. Но как не было та же, больно, горько и трудно на него ответить. Как рас

льно тахил приют. Ад? Даже если бы он существовал, он был бы, наверное, более гуманным. Лагерь смерти? Но и это не точно. Как передать словами первичное, когда умереть в тысячу раз легче, чем жить, перенося нечеловеческие мучки. Коль плачевная, земля гора — Равенсбрюк. Тяжелая

плето друг друга, потому что знали — в этом их спасение. Вместе они саботировали работу, вместе объявляли голодовку протеста против надругательства, вместе отменяли все праздники, особенно 1-е Мая. Однажды нашли где-то красную материю и вывесили ее на барак, где жили, вместе пели «Интернационал». Как-то, сговорившись,

летиста-разведчика, инвазива II группы, отомщенная знаменитыми боевыми орденами и медалями, я думал о тех, кто честно прожил очень трудную жизнь. У кого было много обеспеченное детство, перевернутая война, нищета, страх за кровом истязаний, понесенный разор и разраза, низкий уровень существования с постоянными обидями. И познанным было у Ольги Васильевны в очереди в одном из толмаческих магазинов. И доброты, доброты самого нежного и необходимого, не говоря уже об униженном человеческом достоинстве, отсутствии социальной справедливости и защищенности. Я думал о том, что люди, им подобные, никогда и ни при каких обстоятельствах не опускали рук, отчетливо сознавая свою ответственность перед детьми и внуками.

В трудах и работах незаметно подкатывала слезы. Они не жалуются, но над многим недоумевает. И горько размышляет над тем, какие чудовищные перекося должны произойти в сознании, чтобы человек любой национальности, любого возраста, любой образованности перестал уважительно относиться к тем, кому он обязан жизнью. Хочешь не хочешь, но думаешь об уникале, а может быть, и полным разрушении нравственности и культуры. Мы перед ними в бесплатном долгу. На всю оставшуюся жизнь. И мне до сих пор хочется найти для них самые хорошие, искренние, добрые слова благодарности за то, что они пережили все смертям назло, за то, что они есть.

Б. ЛИШКОВ.

На всю оставшуюся жизнь

сказать о том, что в 20 лет можно стать совершенно седой, родится Родина, близких и родных людей. Концлагерь — это слово покое на разный удар хлыста. В нем слышится зловещее властное заповесть на дворян, на которых уже не возвращаются, каждая из узиц в полной власти лагерно-надеждами, эсэсовцев, комендантов.

Здесь могли избить, изувечить, убить... 200 граммов хлеба, кружка мутной баланды и три картофелины — пища на день. Постоянное чувство голода. А работа — изнурительно-тяжелая или судорожная — бессмысленная. Тысячи бритоголовых скелетиков, одетых в тюремные казаты. Бесное утро «вставай на плацу, где каждый стремился потянуться в середину этого свинства, там было теплое. Кто-то устал. Ну, значит, отлучился. Ежедневно повока, запрещенная людям, увозила трупы туда, где гдымидя труба. И каждый думал: завтра, может, и моя очередь? Сказал, что концлагерь — тюрьма? Но тюрьма

доли, тяжелые наплыв кровавых слез — Равенсбрюк. Мужество непокоренных женщичи — Равенсбрюк, через этот лагерь прошла 132 тысячи женщин и несколько сот детей из 23 стран Европы. 63 тысячи человек были уничтожены. Здесь умирали от болезни, голода. Запах хлеба узицми слышали на расстоянии двух-трех километров. Но существовали и более сильные чувства — гнев, ненависть и любовь к своей Отчизне. И для них тогда эти слова совсем не были громкими. Мысли о Родине, крохотные известия о родной земле, которые к ним попадали иногда с воли, согревали душу, давали силы выжить.

Тяжелые воспоминания Ольги Васильевны о лагере Равенсбрюк и других лагерях не остались сплошной черной полосой. Она бережно помнит и все светлые моменты той жизни: встречи с парижанами, освобожденные их американскими войсками

крепко поблаги немечую переводчицу на русских. За дело. Сидим ровно стои слухи фашистам. Правда, и самим потом досталось по 15—20 розог по обязанности телу на голой спине. В том числе и Оле.

Я беседую с Ольгой Васильевной в доме, где царит чистота и порядок, во всем чувствуется рука опытной хозяйки и человека большой красивой души. Она не очерствела, не одолбелась. всю свою жизнь она посвятила детям, внукам. С большой теплотой и сердечностью говорит она о дочери Люде, которая закончила Ленинградский холодильный техникум и работает старшим инженером на заводе «Знамя труда», а внучка Светлана закончила ЛТИМО и теперь инженер-программист. У нее золотые руки бабушки: может вязать, шить, сплестишь работы делать.

Внимательно слушаю рассказ Ольги Васильевны, иногда прерываемый репликами ее мужа Федора Ивановича Воробьева, солдата Великой Отечественной войны, арти-

Приложение 2.1.3. Сборник воспоминаний Ованесова А.Г.

Тасковские, по-детски шустрые газла, крошечные зориники на лице делают Александру Николаевичу ВЛАДИМИРОВУ очень обаятельной женщиной. Она с большой серьезностью откликнулась на мою просьбу—поделиться воспоминаниями о своей жизни и деятельности в годы Великой Отечественной войны.

Вот ее рассказ:
«Родилась я в 1921 году в деревне Жельцы. Отец трудился на лесоразработках. Окончив семь классов толмаческой школы, я пошла работать в пивоваренный лагерь. Вскоре началась война. Эвакуировались наша семья не успела. В поселок пожалевают немцы. Сначала они охотились на поселковыми курами, а потом открыли автоматную стрельбу. Охотники ходили по избушкам, требовали молока, яиц. Мача очень тревожлась за мою судьбу, боялась, что фрицев может соблазнить мой красота и молодость. Меня нарочно одели в лохмотья, лишь выказали слабость. На следующий день всех жителей деревни, способных держать лопату, выгнали на земляные работы, на строительство железнодорожного полотна. За работу нам давали хлеб.

Весна 1942 года была дружной, быстро таял снег, обжигали трупы людей и лошадей. Бойсь виднелись, немцы заставляли труды людей в лошадей. Бойсь виднелись, немцы заставляли труды людей в лошадей.

Нас долго везли по железной дороге, а потом на какой-то станции выгрузили и на автомобиле привезли в шахты Верхней Силезии. Жили мы в бараках, спали на нарах, укрывались каким-то вишневым тряпьем. Поднимали нас рано, давали несколько буханки, кусок хлеба, сахар и конфетки, а потом строем ку вохлебки, кусок хлеба, сахар и конфетки, а потом строем ку вохлебки, кусок хлеба, сахар и конфетки, а потом строем ку вохлебки, кусок хлеба, сахар и конфетки.

Принесли нам из Франции, откуда машина руду увозили на станцию. Мы шли в шахту. Руду, которую добывали шахтеры, мы грузили в вагонетки. Затем их толкали на поверхность забоя и выгружали в бункер, откуда машина руду увозили на станцию. Мы шли в шахту. Руду, которую добывали шахтеры, мы грузили в вагонетки. Затем их толкали на поверхность забоя и выгружали в бункер, откуда машина руду увозили на станцию.

вы к побегу. В барак нас, русских пленных, было 50 человек, и все мы стали ожидать сигнала. Ночью я не спала, все прислушивалась к каждому шороху за стенами барака, вдруг услышала в барак возникла какая-то возня, потом все стихло, и здесь мы увидели свою связаную, которая стала торопить нас: мы, мол, застав дышать, стали выбираться из барака, прохода мимо дежурной комнаты, я увидела гестапо, во рту которой торчал клин. Гуском, буквально на одном дыхании, мы добились до ограды лагерь, и там, через пролом в заборе, вышли за пределы ограждения и побежали к лесу, который был неподалеку. Там нас охладил партизанский проводник. Он повел нас по тропам, знакомым только ему. Шли мы врозь, мой муж и я. Муж был знаком с гористой местностью и стал преодолевать подъемы и очень крутые спуски.

В полдень проводник дал нам 10 минут на отдых, а потом мы снова отправились в путь, лишь к вечеру мы подошли к лагерю партизан. С большим радушием нас встретили, а утром нас, безлюдно, был сформирован отряд. Его командиром была назначена минчанка Надежда Лисовен. Мы устроились на беге на небольшие гарнизоны фашистов, в бою добытали себе оружие. Для пополнения продовольственных запасов отряды, мы делали засады на шоссех дорогах. Остававшаяся группа зовина, охрану, как правило, уничтожали. Несколько раз нашему отряду приходилось принимать участие в общих операциях. По своей натуре я не была жестокой, очень боялась крови. Бывало, узнав, что отец собирается зарезать курицу, и убежала за версту. А здесь, в партизанском отряде, жестокость чуть не сделалась моей профессией.

После войны, когда наш отряд был расформирован, я уехала домой. Дорогой не раз подвергалась допросам, проверкам, и наконец, я увидела мой родной поселок. Тяжело пережизня и я пошла работать нянкой в детский дом, где трудилась много лет, а сейчас работаю в церкви.

— Есть у меня и дети, и внучата, — все это мой отряд. Очень бы хотелось забыть об этой прожитой войне...»

Приложение 2.1. Фото женщин-землячек, узниц концлагеря
«Эрувиль»

Байкова Соня

Владимирова Шура

Грязнова Лена

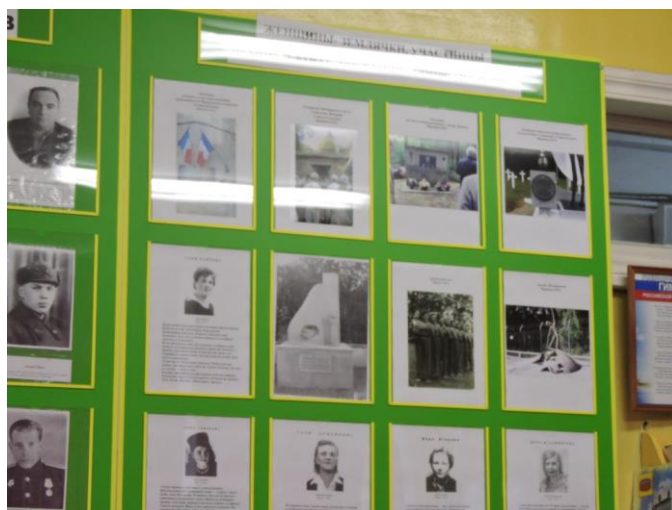

Демьянова Галя

Егорова Вера

Приложение 2.2. Стенд женщинам-землячкам, участницам партизанского отряда «Родина» в школьном музее

Приложение 3. Работа над проектом будущего памятника с архитектором и родственниками

